

Сергей Лысак

ХАРАКТЕРНИК

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Л88

Серия «Фэнтези-магия»

Выпуск 3

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Л88 **Лысак, Сергей Васильевич**

Характерник / Сергей Лысак. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 416 с. — (Фэнтези-магия).

ISBN 978-5-17-112032-0

Молодой казак Иван Платов попадает в секретный отряд лазутчиков, в полной мере используя свой дар характерника — человека с очень сильными экстрасенсорными способностями, имеющими «прикладное» боевое назначение. Но в самом начале своего боевого пути Иван оказывается втянут в череду странных событий, где переплелись интересы неизвестной чужой разведки, эмиссаров московского царя и крымских работорговцев. Ситуация накаляется, и над головой Ивана сгущаются тучи. Чтобы уберечь от происков врагов, а заодно извлечь пользу из сложившейся ситуации, Ивана отправляют в Крымское ханство в качестве разведчика-нелегала. Донской казак Иван Платов превращается в османского юношу Хасана. Но судьба и здесь не оставляет его в покое. Навигатор Хасан становится моряком флота Османской империи.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112032-0

© Сергей Лысак, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог*

Степан прохаживался по двору и ждал. Из горницы, где рожала жена, бабы его выперли, а сидеть одному в четырех стенах особого желания не было. Вот и бродил по двору Степан, изредка перекидываясь фразами со знакомыми по ту сторону плетня, а про себя возносил молитвы Господу, чтобы не оставил без внимания православную душу. И ожидал с нетерпением того мига, когда все решится...

Честно говоря, к молитвам у Степана отношение было своеобразное. Он вспоминал о Боге только тогда, когда припекало. Но припекало не так уж редко, походы к турецким и черкесским берегам весьма тому способствовали. И ведь помогал Господь! В скольких боях

* Книги цикла «Характерник» самостоятельные произведения, но по сюжету являются продолжением цикла «Кортес», относящегося к жанру исторической фантастики, причем оба цикла имеют общих героев. Главный герой Иван Платов и его приключения являются художественным вымыслом. В тексте также фигурируют реальные персонажи, жившие в тот исторический период, а ряд исторических событий действительно имел место в реальной истории. Что касается самих казаков-характерников, то очень многие факты говорят о том, что они действительно были. Но в ходе практически беспрерывных войн с внешними врагами и восстаний против царской власти, приводивших к большим потерям среди казаков, это искусство со временем было утрачено. Во всяком случае, к началу XIX века уже нет никакой информации о действиях казаков-характерников. Однако не исключено, что представители некоторых казачьих родов все же смогли сохранить это древнее искусство, но полностью скрыв его от непосвященных и не афишируя свои возможности. Косвенным подтверждением этой версии являются загадочные и необъяснимые с точки зрения обычного человека случаи из истории Первой мировой и Гражданской войн, связанные с действиями в боевой обстановке отдельных казаков и получившие огласку. Но научного объяснения этому до сих пор нет. Новая власть постаралась уничтожить саму память о казаках, и очень многие исторические данные были безвозвратно утрачены.

побывал казак Степан Платов, но всегда возвращался не только живым и здоровым (синяки и легкие поверхностные раны не в счет), но и с хорошей добычей. В другое же время религиозные чувства Степана пребывали в дремлющем состоянии, что ни его самого, ни его черноокую красавицу-жену Елизавету совершенно не беспокоило. Но на то тоже были свои причины. Казачкой Елизаветой его жена стала, лишь пройдя обряд крещения. А прибыла на Дон, глядя на всех исподлобья, готовая вцепиться в глотку любому чужаку, пленная турчанка Эмине. Четырнадцатилетняя девчонка, доставшаяся Степану после очередного похода. Хоть и посмеивались казаки над его выбором, предрекая полный провал в деле укрощения строптивницы, оказавшей бешеное сопротивление и даже умудрившейся поранить кинжалом Степана. Но он, едва глянув в горевшие яростью черные глаза на прекрасном лице, сразу сказал: «Моя!!!» Ну, раз твоя, значит твоя. Хочешь и дальше драться с этой дикой кошкой — забирай.

Но до драк не дошло. Хоть Эмине и дичилась поначалу, поглядывая с опаской на недавних врагов, но к Степану привязалась быстро. Может быть потому, что не стал молодой казак вести себя, как дикий варвар (о чем она наслушалась в свое время), с ходу овладев лакомой добычей, а повел себя с ней на первых порах как любящий старший брат с малой сестренкой — ведь он был на тринадцать годков ее старше. И оттаяла басурманка, посмотрев совсем по-другому на своего пленителя. Тем более что положение единственной жены вольного и богатого казака не шло ни в какое сравнение с тем, что ее — девушку из бедной семьи, ожидало на родине. Что ей сразу по прибытию и объяснили другие казачки — по большей части сами недавние турецкие и черкесские полонянки.

Трудно на первых порах им пришлось, начиная от сложности в общении и заканчивая непохожестью совершенно разных обычаев. Если Степан худо-бедно еще

мог объясняться на турецком, то вот Эмине не знала русского вообще. Родители Степана поначалу были не в восторге от выбора сына, но перечить не стали. В конце концов, на Дону этим никого не удивишь. Многие казаки брали в жены пленных турчанок и черкешенок, и ничего, мир от этого не перевернулся. А поскольку до этого они Степана уже порядком достали своими планами с женитьбой, заявляя, что «давно пора», то он им и ответил в том же духе. Дескать, что хотели, то и получите. Чем вам невеста не по душе? Молода, красива, здорова, по хозяйству расторопна, будущего мужа любит и уважает. Вас, как моих родителей, тоже. Что вам еще надо? Ну а то, что приданого за ней нет, так ведь и тещи тоже нет! А то, что по-русски ни бельмеса, и не молитвы Господу возносит, а намаз совершает, так это не страшно. Приданое — дело наживное, язык выучит, перейдет в православную веру, а там и обвенчаются в церкви, как положено. Не они первые, не они и последние. Родители поохали, повздыхали, но смирились. В конце концов, раз Степан сам эту басурманку выбрал, то пусть сам с ней и возится. Действительно, не он первый, не он и последний. Так и начали жить поживать донской казак Степан Платов с турчанкой Эмине, вскоре ставшей казачкой Елизаветой...

Неожиданно хлопнула входная дверь, и на крыльце появилась его сестра Мария.

— Степка, у тебя сын родился!!! Только...

— Что?!

— Понимаешь... У него уже зубы есть...

Степан метнулся в хату. Елизавета лежала уставшая и приходила в себя после родов, а повитуха показала ему младенца.

— Все хорошо прошло, Степан, дал Господь вам сына. Но вот такое я впервые вижу, хотя и слыхала, что бывает. Чтобы у новорожденного сразу зубки прорезались...

А ну цыть, бабы!!! Никакого знака Антихриста здесь нет! Сердцем чую, добрый казак будет! Как сына-то назовешь?

— Иваном!

Прошло шесть лет...

Иван возвращался домой с удочкой и куканом, на котором болталось несколько рыбешек, и думал, что сказать матери. Опять влип в неприятности. Снова подрались с Прошкой Рябовым, будь он неладен. Все бы ничего, если бы не «боевые потери» в виде разорванной рубахи у Ивана и разбитой морды у Прошки. Поэтому скрыть не удастся. Прошка, конечно, сволочь еще та, за дело получил, но кто разбираться будет... Тем более его мать опять жаловаться прибежит... Хорошо хоть батька сейчас в отъезде, вернется не раньше чем через неделю. Мать, правда, все равно высечет, но хоть не так сильно.

Подходя к дому, Иван услышал крики. Ругались его мать и мать Прошки. Ну всё... Вздохнув и решив, что чему быть — того не миновать, вошел во двор, как неожиданно дверь отворилась и из нее пулей вылетела Прошкина мать, изрыгая проклятия на голову «басурманки и ее выродка». Глянув с ненавистью на Ивана, плюнула и выбежала со двора. Иван очень удивился, такое было впервые. То, что их матери постоянно ругались после драк, к этому он уже привык. Но раньше Евдокия Рябова всегда степенно уходила с видом победителя, а здесь... Войдя в хату, Иван удивился еще больше. За столом сидели мать и незнакомый пожилой казак в богатой одежде, о чем-то разговаривая. Увидев Ивана, замолчали, и незнакомец уставился на него тяжелым внимательным взглядом, от которого у Ивана по спине побежали мурашки.

Как положено, поздоровался, но незнакомец молчал, продолжая буравить его взглядом. Иван тоже молчал,

стараясь не усугублять ситуацию и сооротив умильную физиономию. Как знать, а вдруг пронесет?! С чего бы это Прошкина мать из хаты выскочила, как будто за ней черти гнались... Наконец, незнакомец нарушил молчание:

— Так вот ты каков, Иван Платов... Наслышан о тебе. Ничего мне о своих подвигах рассказать не хочешь?

— О чем, дядько?

— Меня Матвей Колюжный зовут.

— О чем, дядько Матвей?

— Ну, например, о том, как вы всей ватагой три дня назад сад у Игната Тимофеева обнесли?

— Не было такого, дядько Матвей!!!

— Ну как же не было? Когда Игнат двоих из вас поймал и хворостиной отходил?

— Так меня там не было!

— А пойманные сказывали, что был.

— Врут!!!

— Врут? А поклянешься, что врут?

— Вот те истинный крест, дядько Матвей, что врут!!!

— Ну-ну... Весь... в батьку. Такой же... Ладно, пусть врут. А сегодня что?

— Так я не виноват, дядько Матвей! Прошка сам ко мне пристаёт, проходу не даёт! Все басурманом обзывает. Не любо ему, что я его старшинство не признаю.

— Про то знаю. И даже больше скажу — все ты правильно сделал. С гнильцой хлопец этот Прошка, ох с гнильцой... Если так и дальше продолжит — плохо кончит. Но я тебя не об этом спросить хочу. Видел я вас на берегу Дона. И видел, как Прошка тебя сначала на землю повалил и рубаху порвал, а вот после ты его как будто мертвецки пьяного отмутил, да так, что он даже не сопротивлялся толком. А ведь он на голову тебя выше, на три года старше, да и вишь раз в два побольше. Как ты это сделал?

— Да я и сам толком не понял, дядько Матвей. Такое зло меня взяло, когда он не только про меня, но и про

мою матушку худое говорить начал, так будто крылья за спиной выросли и сила непонятная появилась. А потом все исчезло. И Прошка убежал, грозился только меня поймать.

— М-м-да... Что же с тобой делать, Иван?

— Матушка, дядько Матвей, я же не виноват!!!

— Да я не про то... Знаю, что не виноват... Эх, попал бы ты ко мне хотя бы года на четыре раньше...

— Ты про что, дядько Матвей?

— Ладно, не буду темнить. Я, как о тебе узнал, так сразу приехал. Редкий случай — новорожденный младенец с зубами, вот и появились у меня подозрения. Я, кроме тебя, только одного еще такого человека знаю. Запорожский кошевой атаман Иван Серко — слыхал?

— Слыхал.

— Так вот, я вместе с ним на турка да на ляхов ходил, и не раз. Добрый атаман, все казаки его уважают. И силу большую имеет. Но не ту силу, чтобы подковы гнуть... Ты, Иван, о характерниках слыхал?

— Да, слыхал, дядько Матвей.

— Так вот знай, что Иван Серко и я — характерники. Стар я уже стал в походы ходить, да и знания мои достойному казаку передать надо. Успеть до того, как Господь меня призовет. И кроме как тебе некому.

— Так ты же еще не старый, дядько Матвей!

— Как думаешь, сколько мне лет?

— Ну... За сорок?

— Ишь ты!!! Не угадал. Семьдесят три прошлой осенью исполнилось.

— Да ну?!

— Вот тебе и «да ну»! В общем, Иван, есть у меня к тебе серьезный разговор. С матушкой твоей мы уже все обсудили, а батька еще раньше сразу согласился. Я ведь, почитай, уже две недели как к тебе приглядываюсь... Пойдешь ко мне в ученики? Дело это добровольное, поскольку если заставлять учиться из-под палки, толку не будет.

— А чему учиться, дядько Матвей?

— Много чему. Ты ведь турецкий хорошо знаешь?

Матвей неожиданно перешел на турецкий язык, и Иван стал отвечать, даже не сразу сообразив, что разговор идет на турецком. Его отец и мать хорошо понимали, что в жизни казака это очень важно, поэтому оба языка он стал постигать с самого раннего возраста, едва научившись говорить. И теперь это принесло свои плоды. Поговорив на самые разные темы, Матвей снова перешел на русский.

— Турецкая речь у тебя очень хороша, Иван. От чистокровного турка не отличишь. Скажи спасибо своей матушке. Да и лицом ты на мать больше похож, что тоже пригодится. А я тебя много чему другому научу. Такому, чему далеко не всякого обучить можно. Есть в тебе божий дар, и грех его в землю зарывать. Эх, если бы я тебя с самого рождения знал... Стал бы ты великим характерником, а так... Слишком много времени потеряно, этому надо сызмальства начинать учиться. Но кое-что я все же сделать смогу. Дар твой раскрою, насколько получится, и если Господь мне на то время даст. Согласен учиться, Иван?

— Согласен, дядько Матвей!

Глава 1

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Весна 7182 года (1674 от Рождества Христова) выдалась ранней. В Черкасске царило сильное оживление. В прошлом году прибыл большой караван на Дон, а теперь царь московский Алексей Михайлович прислал большой отряд служилых людей для совместного похода с казаками против турок и татар. Вовсю шла подготовка, и многие мальчишки с завистью смотрели на казаков, собирающихся в очередной поход. Здесь же сновали московские стрельцы в ярких кафтанах. Все говорило о том, что за турок собираются взяться всерьез. В прошлом году отряд казаков во главе с атаманом Михайло Самарениным прорыл засыпанный турками проход через Казачий Ерик и вышел в Азовское море, но остановился на зимовку в устье Миуса. Собирались возвести там крепость, чтобы использовать ее как базу для дальнейших походов. Небольшую крепость возвели, но... Увы, место выбрали неудачно, и в весеннее половодье ее затопило водой. Сейчас нужно было взять реванш, поэтому работа кипела.

Не составлял исключения и Иван Платов, с завистью поглядывая на большие морские струги. Вскоре они уйдут к турецким и крымским берегам, а он снова останется здесь. Мал еще, не хотят его брать в поход, более опытных казаков хватает с избытком. По большому счету Иван это и сам понимал. То, что он хорошо умеет стрелять из всего, что стреляет — от лука до винтовальной пищали, это еще не делает его хорошим бойцом. Вы-

стрелить можно столько лишь раз, сколько у тебя в наличии заряженных стволов, после чего вся надежда только на добрый клинок. А все казаки уверены, что в бою на саблях ему долго не выстоять против взрослого и опытного янычара. Что годами мал, что богатырской статью не вышел. Если только... А вот об этом его учитель, казак Матвей Колюжный, велел молчать, как рыба. Чем меньше про него знают, тем лучше...

Иван и Матвей сидели в доме за большим столом, на котором была разложена турецкая карта Черного моря, и занимались изучением искусства мореплавания. Как управлять казацким стругом и большим турецким кораблем, если его удастся захватить в целости. Как определять свое место в море вдали от берегов по солнцу и звездам, как предугадывать погоду и многое другое. Матвей Колюжный сам удивлялся успехам своего ученика. Хоть он и понимал, что потерянного времени не вернуть, поскольку начинать готовить сильного характерника надо буквально с первых месяцев после рождения, но и то, чего удалось добиться, его поражало. На такой успех он поначалу даже не рассчитывал. Дар Ивана оказался не просто сильным, а *очень* сильным. И в умелых руках старого казака-характерника раскрылся если и не в полной мере, то близко к этому. Поэтому Матвей решил несколько изменить направленность подготовки, сделав из Ивана в первую очередь не бойца для боя в строю, а лазутчика-одиночку. Когда Ивану исполнилось десять лет, и уже появились определенные успехи, он сказал ему без обиняков:

— Ваня, рубиться на саблях на палубе турецкого корабля или с янычарами на берегу — это не твое. Уже видно, что статью ты не в отца, а в мать пошел. Богатырской силы, чтобы подковы ломать и коня на плечи под брюхо поднимать, в тебе не будет. Да это и не нужно. Твоя сила в другом. Никто не ждет опасности от хлопца, не похоже-

го на богатыря, у которого к тому же еще и не видно оружия. Владеть саблей, конечно, я тебя научу. И не только саблей. Но главное твое оружие — голова. И помни, что твоя сила не в руках и ногах, а внутри тебя. И умело пользуясь этой силой, ты любого врага одолеешь. Ты — рожденный лазутчик, Иван. Из тех, кто один в поле воин.

— Но как это, дядько Матвей?! Как это — одному турок бить?!

— Не совсем одному, но казакам от тебя в походе великая польза будет. Сможешь пройти мимо вражеских постов, и никто тебя не заметит. Даже в ясный погожий день. Сможешь одолеть с ножом, на саблях или даже голыми руками любого турка, или черкеса. Пусть он даже будет намного сильнее тебя, вооруженный до зубов и в доспехах. Сможешь к страже незаметно подойти и всех вырезать. Хоть в поле, хоть в городе. Сможешь на всех, кто рядом находится, морок навести, и тебя за другого человека примут. А поскольку ты турецкий хорошо знаешь и лицом в мать пошел, то тебя и так все за турка принимать будут. Сможешь целый отряд врага заставить видеть то, чего нет. А то, что есть, они не заметят и пройдут мимо. Как, достаточно?

— Ух ты!!! Неужели так можно?!

— Можно, Ваня. Если только хорошо будешь мою науку учить и крепко язык за зубами держать. Хоть мастерству характерника далеко не всякого обучить можно, но помни, что такие люди могут не только среди казаков, но и среди турок, и среди татар, и среди черкесов найтись. Не нужно, чтобы наши секреты врагам достались...

Сегодня они занимались делом, к мастерству характерников напрямую не относящемуся, но тем не менее очень нужному. Матвей был хорошим моряком, изучавшим в свое время искусство навигации у генуэзцев, венецианцев и франков, освобожденных из турецкого плена и сохранивших различные книги по навигации и астро-

номии. Хоть книги были в основном на французском, но Иван к этому времени уже освоил и его. За урожденного француза, конечно, он бы выдать себя вряд ли смог, но вот за турка, знающего французский, вполне. И теперь старательно изучал искусство водить корабли, удивляясь, как люди смогли додуматься до такого. Плохо было лишь то, что за все эти годы им так и не удалось выйти в море — турки стерегли выход из Дона. А брать с собой малолетнего хлопца в поход, прорываясь с боем мимо Азова, ни один бы атаман не стал.

Неожиданно раздался стук в дверь, и в хату вошел отец Ивана. Поздоровавшись и обняв сына, поинтересовался, как идут успехи в изучении наук, и лишь потом сказал, зачем пришел.

— Матвей, нам хороший кормчий нужен. Собираемся идти на турка, а знающих людей не хватает. Тех, кто может лишь саблей махать, хоть отбавляй. А вот тех, кто сможет не только со стругом, но и с большой турецкой галерой управиться, да привести ее, куда надо, маловато. Из московских служилых людей так вообще никого нет, кто с морем знаком. Ты бы как, пошел?

— Эх, Степан, Степан... И где ты раньше был? Пошел бы, да годы уже свое берут... А Ивана возьмешь?

— Ваньку?! Да ему ведь только пятнадцать лет недавно исполнилось! Какой из него боец?! Я сына на верную смерть не пошлю.

— Так я и не говорю, что он будет саблей махать. Ты ведь о кормчем спрашивал?

— Ваньку — кормчим?!

— А что? К тому же не кормчим, а помощником кормчего. Тем, кто в навигацких науках силен и сможет самую большую турецкую галеру от Босфора к Дону привести.

— Ванька, ты что, и взаправду сможешь?!

— Смотря что, батя. Смогу ли управлять большой галерой, нефом или галеоном — не знаю, никогда не пробовал. Хотя дядько Матвей меня этому и учил, да только